

DOI 10.25991/VRHGA.2024.1.1.018

УДК: 821.161.1.

*А. Б. Перзеке, М. Ю. Перзеке**

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРИТЧИ О БЛУДНОМ СЫНЕ В РАССКАЗЕ В. М. ШУКШИНА «ЗЕМЛЯКИ»

В статье рассматривается своеобразие творческой интерпретации В. М. Шукшиным притчи о блудном сыне в сюжете о двух братьях, изменение смысловых акцентов библейского инварианта в созданной им вариации в рассказе «Земляки». Исследуется ситуация постановки писателем своих героев перед лицом универсума, сопряжение в едином семантическом узле рассказа социальных, нравственных, онтологических проблем, создание средствами поэтики малого жанра образа русской национальной судьбы в XX в. Осуществляется обращение к мифопоэтическим семантикам повествования, к контексту исторической эпохи, с которой связаны братья, к итогу их жизни и выбору старшего брата, осмысливается масштаб художественного мышления автора.

Ключевые слова: блудный сын, универсум, бытие, смерть, совесть, душа, смысл жизни, драматизм, народ, власть.

Perzeke A. B., Perzeke M. Yu.

*INTERPRETATION OF THE PARABLE OF THE PRODIGAL SON
IN THE STORY OF V. M. SHUKSHIN "FELLOW COUNTRYMEN"*

The article examines the originality of V. M. Shukshin's creative interpretation of the parable of the prodigal son in the story about two brothers, the change in the semantic accents

* Перзеке Андрей Борисович — д-р филол. наук, проф., проф. каф. филологии Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования (КРИППО); Крым, г. Симферополь; perzeke@rambler.ru

Перзеке Маргарита Юрьевна — канд. филол. наук, доцент, доц. каф. библиотечно-информационной деятельности и межкультурных коммуникаций Крымского университета культуры, искусств и туризма (КУКИиТ); Крым, г. Симферополь; perzeke@rambler.ru

Perzeke Andrey Borisovich — Doctor of Philology. sciences, prof., prof. department philology of the Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education (CRIPPO); Crimea, Simferopol; perzeke@rambler.ru

Perzeke Margarita Yurievna — Ph. D. Philol. Sciences, Associate Professor, Associate Professor department library and information activities and interlingual communications of the Crimean University of Culture, Arts and Tourism (KUKLiT); Crimea, Simferopol; perzeke@rambler.ru

of the biblical invariant in the variation he created in the story "Countrymen". The author examines the setting of his heroes in the face of the universe, the conjugation of social, moral, ontological problems in a single semantic node of the work, the creation of the image of the Russian national destiny in the twentieth century by means of poetics of a small genre. An appeal is made to the mythopoetic semantics of the narrative, to the context of the historical epoch with which the brothers are connected, to the outcome of their life and the choice of the elder brother, the scale of the author's artistic thinking is comprehended.

Keywords: prodigal son, universe, being, death, conscience, soul, meaning of life, drama, people, power.

В новеллистическом массиве творчества В. М. Шукшина выделяются произведения, в которых особенно ярко проявляются основные свойства присущего ему художественного мышления, ставящего героев с их житейской суетностью перед лицом различных ипостасей универсума. Они наглядно подтверждают правоту наблюдений о том, что проза писателя вырвалась из рамок условного определения «деревенская» и превратилось в прозу «малого эпоса», на его жанровом пространстве решая вопросы глобального масштаба [1, с. 118], что авторское сознание Шукшина «ориентировано на решение важнейших и наиболее крупных вопросов жизни человека, национального бытия, истории, смысла существования, взаимодействия человека и общества» [8, с. 283].

Таковыми рассказами являются «Думы», «В профиль и анфас», «Залётный», «Мастер», «Дядя Ермолай», «Сураз» и целый ряд других, в которых в подобном масштабе бытийных координат возникает звучание глубокой авторской нравственно-философской идеи. В художественном мире писателя, обладающем уникальным системным единством, удачно раскрытом в исследовании В. Горна [3], эти произведения многими своими гранями оказываются в неисчислимом круговороте смысловых переключек и взаимосвязей с другими рассказами шукшинского новеллистического нарратива, выступая составными частями его общего контекста.

Вместе с тем, каждый из подобных рассказов онтологического ряда является у писателя самоценной художественной системой со своим образно-событийным строем, воплощает неповторимость вариаций главных мотивов его творчества в их различных сопряжениях, расширяет круг осмысляемых жизненных реалий, заключая в сюжете новизну авторского взгляда и обретая индивидуальные черты поэтики и художественной концепции. Всё сказанное в полной мере относится к рассказу «Земляки» с созданным в его сюжете космосом бытия, авторским осмыслением мира и человека.

Тема блудного сына, в интерпретации писателя ушедшая достаточно далеко от своего евангельского инварианта, но тем менее не утратившая узнаваемой генетической связи с ним и выступающая его вариацией, тесно сплетается в «Земляках» с присущей шукшинской прозе танатологической темой, которая звучит с самого начала рассказа, задаёт тональность и определяет философский уровень дальнейшего повествования.

Заметим, что постановка героя перед универсумом для его душевного просветления всегда была характерной чертой русских писателей. Так, князю Андрею открывается вечное небо, изменившее его понимание смысла бытия. Чеховский Гуров, вырвавшийся из душного номера ялтинской гостиницы

не так и невозможность найти оправдание и утешение в своей социальной успешности, ощутив себя перед лицом универсума.

В семантическом поле умолчания, созданном в рассказе писателем, отметим ещё одну грань, связанную с образом блудного сына. Не желая быть узанным братом, чтобы уйти от неизбежных вопросов, он ничего не спросил о родителях и не пошёл на их могилы, ушёл из жизни нераскаившимся и непрощённым — такова здесь авторская вариация библейского инварианта притчи. И если у Анисима были спокойная совесть и чистая душа, своя радость от светлых воспоминаний, от бытия и грустное смирение перед смертью, то на душе у Гриньки не было ни покоя, ни смирения, и явно до самого конца его мучило чувство вины. В этом заключается в «Земляках» различие между родными братьями, прожившими разную жизнь и пришедшими к общему неизбежному исходу, от которого невозможно спрятаться, как бы ни хотелось этого старшему. Возможно, что он смог совершить что-то хорошее и полезное на своём пути, оставленном автором за пределами сюжета, но тому, как он поступил со своими родными, по собственной воле отказавшись от них, оправдания и прощения нет. Умирает Гринька с пониманием этого, и таков нравственный итог рассказа.

Шукшин, в совершенстве владея мастерством воплощения скрытого психологизма, изображает предельно лаконичными выразительными средствами минутное внутреннее единение двух братьев, вместе смеющихся над проказами Гриньки, и глубокое различие психологической драмы каждого из них. У старшего брата она связана с отсутствием у него перед смертью света в душе и отягчённой совестью, у младшего — с потрясением от узнавания правды, что странным земляком, посетившим его, «брат был. Гринька» [9, с. 131].

За семейным и онтологическим драматизмом в рассказе обозначаются грани острой национальной проблемы XX века, связанной с народом и властью в постреволюционной России, в новую историческую реальность которой братья оказались встроены по-разному. Сверхактивный старший брат стал частью той мощной социальной силы, которая определяла народную судьбу, а вместе с ней — и младшего брата. Вот почему на Гриньке лежит полнота ответственности за все социальные перипетии, выпавшие Анисиму.

Из логики события рассказа следует вывод, что люди, из которых формируется власть, приходят из периферии, из народа, а затем отчуждаются от него, возносясь над ним и переставая его слышать, когда оказываются в избранном кругу властного центра, становятся Иванами, не помнящими родства. Поэтому отказ Гриньки от отца, матери, брата и сестёр выглядит символичным. Ненавязчивой расстановкой смысловых акцентов повествования Шукшин вскрывает свойство социальной элиты, живущей в ином измерении, бросать своих и предавать их. Характерной выступает деталь, что Гринькина семья, давшая в глубинку телеграмму только из уважения к нему, является элитной и явно не нуждается в общении с какими-то деревенскими родственниками.

Но неслучайно в рассказе есть «Кто-то», незримо присутствующий в этом мире и открывающий уходящему человеку вечную красоту бытия, есть пробудившаяся совесть преуспевающего в чужом краю блудного сына перед лицом опаляющей его своим дыханием надвигающейся смерти. Сопряжение соци-

ального, нравственного, онтологического в едином семантическом узле произведения малого жанра, заключающем в себе национальную драму, национальный эпос и онтологическую глубину, проявляет всеобъемлющий масштаб художественного видения Шукшина, позволяет ощутить его неповторимую творческую поступь в отечественной литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляя Г. А. Художественный мир современной прозы. — М.: Наука, 1983. — 191 с.
2. Гивенс Дж. Особенности реализации экзистенциальных идей в прозе В. М. Шукшина // В. М. Шукшин — философ, историк, художник. — Барнаул: АГУ, 1992. — Вып. 3. — С. 11–36.
3. Горн В. Ф. Характеры Василия Шукшина. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1981. — 248 с.
4. Иванов В. В. Близнечные мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. — М.: Советская энциклопедия, 1987. — Т. 1. — С. 174–176.
5. Куляпин А. И., Левашова О. Г. В. М. Шукшин и русская классика. — Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. — 100 с.
6. Куляпин А. И. Сон разума: экзистенциальные мотивы в рассказе В. М. Шукшина «Думы» // Имагология и компаративистика. 2022. — № 17. — С. 316–327.
7. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. — 365 с.
8. Сигов В. К. Русская идея В. М. Шукшина: концепция народного характера и национальной судьбы в прозе. — Интеллект-Центр, 1999. — 102 с.
9. Шукшин В. М. Избранные произведения: в 2 т. — М.: Молодая гвардия, 1975. — Т. 1. — 495 с.

REFERENCES

1. Belaya G. A. (1983). *Hudozhestvennyj mir sovremennoj prozy* [The artistic world of modern prose]. — Moscow: Nauka. — 191 s. — (In Russian)
2. Givens, Dzh. (1992). *Osobennosti realizacii ekzistencial'nyh idej v proze V. M. Shukshina* [Features of the realization of existential ideas in V. M. Shukshin's prose]. In: V. M. Shukshin — filosof, istorik, hudozhnik. — Barnaul: AGU. — Vyp. 3. — S. 11–36. — (In Russian)
3. Gorn V. F. (1981). *Haraktery Vasiliya Shukshina* [The Characters of Vasily Shukshin]. — Barnaul: Alt. kn. izd-vo. — 248 s. — (In Russian)
4. Ivanov V. V. (1987). *Bliznechnye mify* [Twin myths]. In: *Mify narodov mira: Enciklopediya v 2 t.* — Moscow: Sovetskaya enciklopediya. — T. 1. — S. 174–176. — (In Russian)
5. Kulyapin, A. I., Levashova O. G. (1998). *V. M. Shukshin i russkaya klassika* [V. M. Shukshin and the Russian classics]. — Barnaul: Izd-vo AGU. — 100 s. — (In Russian)
6. Kulyapin A. I. (2022). *Son razuma: ekzistencial'nye motivy v rasskaze V. M. Shukshina "Dumy"* [The dream of reason: existential motives in V. M. Shukshin's story "Thoughts"]. In: *Imagologiya i komparativistika.* — № 17. — S. 316–327. — (In Russian)
7. Propp V. Ya. (1978). *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [Historical roots of a fairy tale]. — Leningrad: Izd-vo LGU. — 365 s. — (In Russian)

8. Sigov V. K. (1999). Russkaya ideya V. M. Shukshina: koncepciya narodnogo haraktera i nacional'noj sud'by v proze [The Russian idea of V. M. Shukshin: the concept of national character and national destiny in prose]. — Moscow: Intellekt-Centr. 102 s. — (In Russian)
9. Shukshin V. M. (1975). Izbrannye proizvedeniya [Selected works]: v 2 t. — Moscow: Molodaya gvardiya. — T. 1. — 495 s. — (In Russian)